



Эрик Саден (р. 1973) – французский писатель и философ, исследующий глобальные последствия цифровизации. Автор более десяти книг, среди которых «Тирания Я: конец общего мира» (2020), «Среди призраков: рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного интеллекта» (2023).

1. Новая экономика отношений

Функциональные связи

Когда люди разлучены, письмо выражает желание не терять связь. Адресовано оно любимому человеку, родственнику или близкому, в нем – частица «я», скрытая, но ощутимая: ведь кто-то потрудился его написать – тем более, если оно составлено от руки, – кто-то думал над формулировками, следил за грамматикой или нарисовал особый знак, понятный только двоим. Письмо говорит о теплоте чувств автора, о том, как он соскучился, как ему не терпится увидаться вновь – совсем скоро или неизвестно когда, – оно о повседневных делах, а еще в нем бывают размышления, порой довольно глубокие. Так, вопреки разлуке эпистолярная связь может еще больше привязать двух людей друг к другу. Так же и телеграмма – слова экономят, но это знак внимания, хотя часто с трагическим содержанием, когда сообщает на дальнейшее расстояние, а то и вовсе на другой континент, да еще внезапно, о чем-то тяжелом (несчастный случай, кончина), но нередко и радостном

1 Настоящая публикация представляет собой третью главу книги Эрика Садена «Среди призраков: рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного интеллекта» (2023), русский перевод которой готовится к выходу в «Издательстве Ивана Лимбаха». Перевод выполнен по изданию: SADEN E. *La vie spectrale: penser l'ère du métavers et des ia génératives*. Paris: Éditions Grasset & Fasquelle, 2023.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ



(свадьба, рождение); так можно признаться в любви – в двух словах, но старательно подобранных, – или прямо сообщить, что все кончено, как у Сержа Генсбура в написанной в 1981 году песне с англоязычным названием «Overseas Telegram» – «Телеграмма из-за океана»:

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

J'aimerais que ce télégramme
Soit le plus beau télégramme
De tous les télégrammes
Quetu recevras jamais [...]
Et qu'à la fin du télégramme
Tu te mettes à pleurer.

Я бы хотел, чтобы эта телеграмма
Стала самой прекрасной
Из всех телеграмм,
Которые ты когда-либо получишь, [...]
И чтобы, дочитав эту телеграмму,
Ты заплакала.

Телефон в свою очередь – во времена, когда люди регулярно общались вживую, – позволял поддерживать связь, создавал иллюзию, будто человек рядом, донося тембр его голоса. Это касается и ночных радиопередач, в которых слушатели, находясь дома, откровенничали и экспромтом выдавали в подробностях истории неформальной и преходящей общности душ. Общение на расстоянии не мешает симпатии между людьми и более того – порой ее только усиливает.

В истории межчеловеческого общения произошло событие, переопределившее такие обстоятельства, как расстояние и близость отношений. В один прекрасный день, на рубеже нового тысячелетия мы обзавелись новым навыком, стали слать *имейлы* – *почта сделалась электронной*. Все вдруг оказалось проще простого, в процессе обмена информацией произошло почти чудо – на что только не был способен телефон, но и он не смог его сотворить. А тут за мизерную плату знай пиши письма на собственном компьютере – позже появится возможность добавлять к ним файлы – и в один клик отправляй примерно с одинаковой быстротой хоть соседу по лестничной площадке, хоть на другой конец света. Ничего сложного – и вскоре уже вся планета пользовалась этим способом, обнаружив в нем совершенно новое качество, – печать удобства отметила большинство коммуникаций, затронув даже их содержание, так что не обошлось без скрытых последствий: *в переписке между людьми главной стала функциональность*.

Не случайно явление тут же попало в поле зрения индустрии; различные компании начали предоставлять адреса и доступ к своим серверам, некоторые не стеснялись сканировать



содержимое и продавали информацию для рекламного таргетинга. Доставка сообщений выделила новый экономический сектор, дополнявший, но словно украдкой, экономику отношений, основанную на сокращении затраченного времени, денежных средств и гибком управлении личными коммуникациями. Практика, сочетающая комфорт и владение ситуацией, настолько утвердилась, что телефонные разговоры, да и почтовую переписку поспешили оставить «олдскульным натурам». Это совпало с расцветом неолиберальной логики во всех видах, которые обогатились всенаправленными потоками информации и капиталов и подвергли рационализации и оптимизации ключевые императивы – отчего в наших связях с другими возникла червоточина. На экономическом утилитаризме, в конце концов, строится утилитаризм отношений. Назовем это технологизацией отношений – под знаком одной лишь эффективности; ее постоянно поддерживает цифровая индустрия, в которой мы, даже не пытаясь барахтаться, потонули, а сама она между тем вероломно превратила любое лишнее, как может показаться, слово в человеческом общении в добавочный элемент или возвела в ранг довольно редкой роскоши.

Чистая и постоянная видимость

Многие из тех, кто на момент наступления нового тысячелетия был уже взрослым или вступал в сознательную жизнь, возможно, помнят, как они с приятным удивлением обнаружили на скромном экране мобильного телефона короткое сообщение с пожеланием счастья в 2000 году. Для большинства это было первое знакомство с неведомой функцией, лаконичность и ненавязчивость которой сразу стала заметна, – да, речь об СМС. История гласит, что первое подобное сообщение 3 декабря 1992 года отправил британский программист-разработчик Нил Папуорт, содержание было простым: «Merry Christmas» («С Рождеством»). Прошло несколько лет, прежде чем практика сделалась всеобщей благодаря возможности взаимодействия – интероперабельности, – которую обеспечивала услуга. Вначале это казалось блаженством – посылаем короткие сообщения, не больше 140 знаков на тот момент, и не нужно никому звонить, а значит – беспокоить: предупредительность по отношению к получателю. Поделиться мыслью, чувствами, иногда поздравить с днем рождения, поблагодарить за ужин – пользуйтесь! Не заставило себя ждать и одно малозаметное изменение: тем же способом люди стали назначать свидания, выяснять подробности, уточнять обстоятельства. Оттенок сдержанности, форма деликатности – все это полностью не ушло,

но как будто соединилось с практической стороной дела: позволив, не обременять себя церемониями, в целом скорее мало-важными, и лишний раз не тратить энергию на обычные коммуникативные игры. При общении с другим человеком правила этикета сводились теперь к минимуму. Эффективность только удвоилась благодаря сокращению телефонных звонков (говорить по мобильному тогда было дорого), так что в построении отношений вышла своего рода экономия.

К тому же, несмотря на расстояние, звонки всегда несут ощутимую нагрузку: возможность воспроизводить голос и интонации могут выдать несдержанность, если говорящий перестает контролировать себя и «фильтровать» слова, нерешительность, разные другие эмоциональные состояния, а иногда обернуться весьма красноречивым молчанием. Каким-то, в сущности, парадоксальным образом нечто от нашего тела, дыхания передается в этой телепортируемой атмосфере. Предложенный обходной путь впоследствии дополнился функцией отправки голосовых сообщений в мессенджере, где можно не набирать текст, а что-нибудь сказать, – это часто быстрее, – избежав неудобств прямого разговора. Вдобавок при неудачной попытке, отправленное удастся стереть прежде, чем собеседник успеет его прослушать. Для определения такой практики подойдет еще один оксюморон – «односторонний диалог», в ходе которого главное будет сказано, а у адресата появится выбор, и при желании он сможет отвечать в той же форме – отрывистыми репликами, словно стремится не тратить время зря и обойтись без неуместной спонтанности устного общения. В этом отличие от использовавшегося прежде автоответчика, который обычно приглашал перезвонить, выражая то же, что и протянутая рука, – так что говорящему оставалось только ждать, что будет дальше.

В последние несколько лет, позвонив на мобильный телефон, голосовое сообщение, как правило, не оставляют. Как будто суть принципа «осторожность превыше всего» во времена обесценивания всего физического состоит в том, чтобы не оказаться уязвимым и отдавать предпочтение отношениям, которыми можно всецело управлять в специальном интерфейсе. Столько разных реакций подстраиваются под необходимое условие – рационализованное управление голосовыми формами выражения, сегодня ставшее нормой, – и его, разумеется, надо соотносить с более широким контекстом. А в нем, в частности, банальным стал следующий факт: если нужно что-то выяснить, мы больше никому не звоним. Предполагается, что, уравнивая эти два действия, мы платим высокую цену и понапрасну теряем время. Современная рациональность пришла к тому, что списала со счетов основополагающий принцип общества – возможность доносить до людей информацию

ЭРИК САДЕН

ДРУГОЙ ПРИЗРАК



живым голосом, особенно до самых обездоленных, одиноких и пожилых, а ведь это создает – пусть на расстоянии и лишь на короткое время – эффект доверительного и ободряющего присутствия. Такая концепция человеческих отношений может существовать только в среде, где все устроено исключительно по правилам учета и контроля, а технологии, которые – мы в это верим – работают на то, чтобы сделать мир лучше, предлагают жать на сенсорные клавиши в диалоге с синтезированным голосом. Недалек тот день, когда роботы и аватары приносятся друг к другу и начнут улаживать практически все наши текущие дела.

Суть принципа «осторожность превыше всего» во времена обесценивания всего физического состоит в том, чтобы не оказаться уязвимым и отдавать предпочтение отношениям, которыми можно всецело управлять в специальном интерфейсе.

Расширяющаяся цифровизация нашего бытия относительно незаметно привела к дистанцированию от Другого, от его физического существа, присутствия как такового. Как и от тепла – в термическом и аффективном понимании, – которым он может с нами поделиться. Таким способом мы избавляемся от его непредсказуемой и неуправляемой натуры, от независимого суждения, которое он может о нас составить при непосредственном восприятии, без фильтров, олицетворяя тем самым полностью отличное от нас существо, способное, в общем-то, угрожать нашему представлению о самих себе. Сегодня мы чаще всего являем себя окружающим в сугубо внешней форме – через скудные сообщения, фотографии, онлайн-стримы или записанные видео. Ведь систематизированное посредничество в социальном взаимодействии переросло ныне в главное правило поведения. И вновь уже не симулякр в понимании Жана Бодрийера, то есть двойник, предъявленный для подмены реального, а константа, заключенная в сообщении или в нашем изображении, становится для нас приоритетной формой современного межличностного восприятия.

Сегодня нас все реже видят во плоти, воспринимают преимущественно через экран – через слова или изображения, – и это в очередной раз подтверждает приоритет ретины в нашем «призрачном» способе существования. Так что и в отношениях с другими мы рассматриваем и выстраиваем себя так, *будто нас прежде всего видят и читают*. Таков этос, обслуживаемый интерфейсами, которые в буквальном смысле поддерживают

превосходство внешнего – в ущерб не столько вещам глубоким, сколько грубой, без прикрас силе нашего присутствия, составляющему нас многомерному богатству. Казалось бы, дистанцирование гарантирует, что в нашей повседневной жизни все под контролем, позволяя при этом, точно королеве из сказки про Белоснежку, изо дня в день обращаться к нашему «социальному зеркалу» с вопросом: «Я ль на свете всех милее?». Иначе говоря, экономическая модель, находя безоговорочных сообщников в нашем лице, превращает принцип опосредованности и бестелесности межчеловеческих отношений в один из главных источников прибыли, и, если мы не насторожимся, это свойство будет проявляться все более настойчиво.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Инструментализация и маргинализация другого

Настал день, когда в наших демократических и либеральных обществах нашлась индустрия, которая – ничтоже сумняшеся – вручила каждому инструмент, делающий из нас обыкновенный товар.

В 2009 году стартап «Grindr» запустил приложение знакомств, не только удобное в использовании на смартфоне и поддерживавшее геолокацию для поиска людей поблизости, но еще и отличавшееся оригинальным интерфейсом. Любой профиль появлялся в нем в виде отдельной иконки, которую можно было «свайпнуть» (от англ. *swipe*, смахнуть). То есть подушечкой пальца пролистывались изображенные лица; вправо – связаться, влево – неинтересно. Прием, тотчас подхваченный другими платформами вроде «OkCupid», «Hinge», «Happn», «Tinder», вызвал неоднозначное явление: трудно сказать, то ли это просто открытая – и лишенная предрассудков – форма все более утилитарных связей между людьми, то ли в масштабе планеты оформилось отношение к Другому как к сущности, которую мы выбираем на свое усмотрение или простым движением отбрасываем с глаз долой.

В этом плане смартфон (а если брать шире – цифровизация нашего бытия) отличается тем, что на его счету два важнейших феномена: потребность в Другом стала менее острой, а его инструментализация более или менее явной. В частности, многочисленные приложения позволили упростить обилие операций, утвердив форму самодостаточности в повседневной жизни, но с той особенностью, что созерцание другого в его телесной реальности полностью исчезло из нашей повестки дня. Подобно рекомендациям по самолечению или достижению благополучия, раздаваемым онлайн (питание, йога, правила качественного сна), в обиход вошла привычка воздер-



живаться от личного присутствия других людей. Этому также способствовала популярность обучающих программ, щедрых на советы и порой весьма хитроумных, чуть ли не во всех областях. Сегодня можно передвигаться по незнакомому городу или фотографироваться без посторонней помощи. Это экономит силы и время, но незаметно ведет к следующему: еще недавно мы просили соседей или знакомых помочь в каком-либо деле – назовем это скромным проявлением спонтанной солидарности между людьми, – теперь же эти «дедовские» инстинкты почти исчезли из регистров нашего поведения. А когда в некоторых похожих ситуациях чужое присутствие оказывается необходимым, его предлагают сайты – в виде горизонтально организованной взаимной поддержки, которая, впрочем, недорого стоит, версия *low cost*?²

С начала 2000-х экономическая модель будет работать на то, чтобы одни индивиды предлагали свои услуги другим напрямую, и это был уже отнюдь не тот довольно узкий список, в который прежде попадали уборка квартир и бебиситтинг, – он охватил многие стороны жизни. Домашний ремонт, доставка товаров, сдача в аренду комнаты или квартиры. Эта особая, необычайно уверенно развивавшаяся сфера получила название, выраженное в антифразе «экономика совместного потребления», она сделает обыденным явлением меркантильные отношения между людьми под видом вечного братства хиппи, в которое все вступают от случая к случаю, вложив или, наоборот, получая несколько купюр. Полная противоположность автостопа, модного в 1970-е и практически исчезнувшего в наши дни: тогда это было свидетельством бескорыстной широты души автомобилистов по отношению к незнакомым людям, а наградой служило живое общение и открытия. Сегодня это сменилось поездками в складчину или арендой автомобилей у частных владельцев.

Такое сознание надо сопоставить с нарастающими финансовыми трудностями, знакомыми многим не одно десятилетие, отчего, вместо механизмов взаимопомощи, которые могли бы развиваться, победило равнение на строго экономические виды логики, которое теперь, как грибок, поражает всю социальную ткань. Высшей точкой стала межличностная система оценок, оправдывающая принцип, согласно которому персональный вклад должен монетизироваться – при том, что каждый из нас рассматривается как набор первичных данных, подлежащих хладнокровному анализу. Осознаем ли мы, до какой степени среда, которой свойственны нестабильность и постоянное обращение к экранам, а с ней и дух времени маргинализирова-

2 Малобюджетный, дешевый (англ.). – Примеч. перев.

ли простые связи, которые держатся на взаимозависимости? И видим ли, в чем именно этот этос установил золотое правило: человеческие отношения не бывают безвозмездными?

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Как следствие – по-новому был определен и характер общественного пространства, во многом утративший жизненное наполнение. Еще в середине 1970-х Пазолини сожалел, что это пространство лишается жизни, постепенно приватизируясь и подчиняясь тенденции, когда улицы все больше приспособляются для пешеходов и увешиваются однотипными вывесками. Аналогичное явление в 1990-х привело к тому, что как грибы после дождя в Северной и Южной Америке, а затем и в Азии стали вырастать *моллы* – торговые центры, где толпы двигались вдоль огромных обезличенных галерей с целями, не отличавшимися разнообразием: потреблять, развлекаться, просто гулять, в одиночестве или со знакомыми, пить газировку из пластикового стаканчика в фастфудах, обычно освещенных назойливыми огнями. Не то чтобы «не-места», если вспомнить концепцию Марка Оже³, скорее места, что создают видимость совместного присутствия. Как расплодившиеся на рубеже нового тысячелетия пространства для коворкинга, куда люди идут, чтобы во времена самозанятости и официальной «удаленки» избавиться от ощущения, что ты работаешь один: там все бок о бок – вот только параллельные прямые не пересекаются. Или заведения «Starbucks», которые в 2000-х размножились по всей планете, превратив кафе как исторически общественное место – парижские Руссо, Дидро, Вольтера в эпоху Просвещения или венские на рубеже XX века, служившие территорией для общения, встреч, полемики, – в стандартизированную среду. Да, люди там тоже находятся в общем пространстве, но в основном уставились в экраны (смотреть на окружающих чуть ли не запрещено) и погружены в коллективное, абсолютно ледяное состояние ухода в себя. Как при виде этого зрелища не вспомнить полотна Эдварда Хоппера, словно актуализированные в нашей пиксельной – или призрачной – жизни?

2. ВСЕОБЩАЯ ТЕЛЕСОЦИАЛЬНОСТЬ

Теория зума

Продлав долгий путь через галактику, единственный пассажир космического корабля в сопровождении стюардессы попадает на спутниковую станцию, которая служит перевалочным узлом для отправки к еще более удаленным пунктам назна-

3 Оже М. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. (Марк Оже – французский антрополог. – Примеч. перев.)



чения. По прибытии – скорый рабочий брифинг с экипажем, работающим на месте. Затем он отправляется в небольшую кабину, усаживается перед экраном со встроенной камерой, вставляет в считыватель магнитную карту и набирает номер с помощью клавиш. Почти сразу возникает изображение маленькой девочки, играющей на диване, – кажется, она рада увидеть папу. Короткий разговор – и появляется сумма для оплаты связи. Есть нечто приподнято-футуристическое в этой сцене из фильма «2001 год: Космическая одиссея», снятого Стенли Кубриком в 1968 году. Примечательно, что вероятное ближайшее будущее воплощено здесь не столько в межзвездных путешествиях, сколько в этом эпизоде, ведь уже тогда – учитывая развитие телекоммуникаций – можно было предположить, что не сегодня-завтра все так и будет. Наши отношения с будущим, хотя и отмечены сугубой неопределенностью, порой устроены так, что мы каким-то образом предчувствуем некоторые явления, но не можем точно определить, когда их ждать.

Осознаем ли мы, до какой степени среда, которой свойственны нестабильность и постоянное обращение к экранам, а с ней и дух времени маргинализировали простые связи, которые держатся на взаимозависимости? И видим ли, в чем именно этот этос установил золотое правило: человеческие отношения не бывают безвозмездными?

Теперь есть широкий набор подобных способов видеосвязи – они доступны всем. В начале 2000-х придумали *Skype*, приложение для видеозвонков. Появилась возможность общаться на расстоянии через экран, формат позже повторили *WhatsApp*⁴ (2009) и *FaceTime* (2013). Приобщиться к рукотворному чуду могли все, но вот парадокс: пользовались им лишь время от времени – в отличие от текстовых сообщений, более незаметных и ненавязчивых. Функционал помогал в семейном общении, иногда – в заграничной поездке, реже применялся для рабочих совещаний. Возможно, своеобразная нелюбовь к видеокоммуникации объясняется тем, что ты предстаешь на экране как есть, без прикрас, и это мешает отстраниться, не дает чувства защищенности, которое вселяли тогда коммуникационные технологии. Только в самом начале 2020-х порог удалось преодолеть во время всеобщего локдауна, спровоци-

⁴ Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

ровавшего резкий курс на едва ли не полную цифровизацию отношений между людьми, а качество действующих систем и скорость соединения создали впечатление, что впредь, пожалуй, можно обходиться и без физического присутствия. Словно нам предложена совершенно новая форма местонахождения, непосредственная и не требующая ни усилий, ни ощутимых затрат. Казалось, что во время пандемии приложение *Zoom* само по себе воплощает новую эру межчеловеческих связей. Но, поскольку события не терпели промедления, видимо, мы не учли, что само его название⁵ имплицитно означает возможность общаться опосредованно, через экраны, а главное, *неявным образом устанавливается совсем другой формат отношений.*

Стоит разобраться в экономике собраний, проводимых на этой платформе (и ей подобных). Характерная особенность: люди здесь как будто подогнаны под стандарт – причем двухмерный, – что *de facto* помогает маскировать многомерность нашего существа. Одно дело – находиться друг напротив друга, когда все здесь, рядом; другое – в потоке изображений, что, естественно, подталкивает рассматривать лица, почти поедать глазами, не стесняясь и порой во всех подробностях. Это влечет за собой скрытое овеществление Другого – в том смысле, что рассматривать друг друга можно обоюдно, как если бы перед каждым из нас была вещь. Снижение остроты межличностного восприятия обусловлено двухмерностью, нивелирующей объемное содержание каждого человека. Видеособрание предполагает, что сначала информацию о нем занесут в календарь, где, помимо прочего, будет указана его длительность. В назначенное время каждый появляется как на посту, правда, обычно видно только лицо (иногда еще и торс) в резком свете экрана. В таком контексте сразу требуется показать, что ты занят делом, выступить с презентацией, в общем, исполнить роль, но каждый раз – с риском сделать неверный шаг, который окажется виден крупным планом.

Контакты с «зум-эффектом» могут раскрыть невидимые прежде стороны других людей, настолько четко не проявляющиеся в повседневной жизни. Все, что в обычном общении под негласным запретом или считается верхом невоспитанности – долго и пристально смотреть на собеседника в той мере, в какой подобное поведение нарушает нашу неприкосновенность, противоречит самому принципу отношений, основанных на взаимном внимании, а не методах пристрастного досмотра, – именно это мы уже взяли в привычку. Происходит нечто вроде обоюдного и ставшего общепринятым вторжения посредством

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

5 *Zoom* – изменение масштаба, увеличение изображения (англ.). – Примеч. перев.



мимики. В этом не столько утилитаристский подход, сколько «реляционный редукционизм», все более свойственный трудовым отношениям. Типичный пример – опенспейс: как будто бы все бок о бок, чуть ли не лучшие друзья, а на самом деле каждый занят своей задачей и испытывает унижительное ощущение общей наготы, заставляющее искать мелкие ухищрения, чтобы укрыться от взглядов коллег, а это – путь к скрытым формам замыкания на себе.

Если присмотреться, видеоконференции, став систематическими, теряют прежнюю легкость и характер игры. А ведь это могло бы придать отношениям своеобразную теплоту (вспомним отца, который звонит дочке в фильме «2001 год: Космическая одиссея», или бабушек и дедушек, которые общаются с внуками на другом конце света в день рождения или на Рождество).

Так, проникая в наши повседневные привычки, чтобы стремительно распространяться (скоро уже в иммерсивной форме), происходит то, что можно назвать *установлением дистанции по отношению к другому*. Это неявная, но все более стойкая форма отчуждения между людьми – отчуждения, которое с момента появления сверхсовременных предприятий на рубеже 1980-х становится все болезненнее, так что сегодня мы уже замечаем его последствия для наших тел, психики и остатков политического сообщества. Это и есть *коллективная изоляция*⁶, незаметно сложившаяся в то время, а постоянный тренд на пикселизацию нашего существования в результате придаст ей новое измерение, в котором она покажется еще более массовой, обостренной и, быть может, необратимой.

Иная инаковость

Дальше – больше. Вереницы лиц или, реже, фигур на наших экранах. Особенно после первого локдауна, когда перед нами мелькали пиксельные люди, ненадолго возникавшие, чтобы затем внезапно скрыться. Образ Другого все чаще получался мимолетным, незавершенным, призрачным, то появлялся, то исчезал. Особенно это было заметно по собеседникам, с которыми мы связывались почти каждый день, видели коллег, одних или, чаще всего, в мозаике из иконок, решали текущие вопросы, обсуждение завершалось парой слов, еще миг – и перед нами уже никого не было. Вот на одной стороне – преподаватель, без рук, без ног, ведет занятие, а на другой выделяют-ся и пропадают окна, в которых студенты могут вдруг задать вопрос, пока не выйдет время, после чего все разом испаря-

6 Понятие, изначально предложенное мной в книге: Саден Э. *Тирания Я: конец общего мира*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.

ются. Вот терапевт или другой врач возник на экране, ведет видеоконсультацию, итогом которой – когда все, что покажется существенным, будет изучено и скалькулировано, – станет, по всей вероятности, присланный рецепт, после чего «визит» завершится и пациент останется в одиночестве, то есть предоставленным самому себе.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Каждый раз, независимо от обстоятельств, нас ждет одно и то же неизменное ощущение или неизменный опыт разочарования: мы обнаруживаем перед собой людей, которые как будто заперты в клетки и в мгновение ока перестают быть частью нашего мира. Если свойство Другого в том, что нечто ему присущее так или иначе от нас ускользает, то теперь мы попадаем в среду, где неуловимость – постоянная черта. Это уже не анонимные толпы современной жизни, описанные Бодлером, а спектакль со светящимися эфемерными видениями. Похоже, бесконечная изменчивость в отношении Другого, перекликающаяся с мотивами *укиё-э*, японского «плывущего мира»⁷, сегодня проявляется прежде всего в пикселизованных обрывочных отношениях, которые мы поддерживаем с себе подобными. «Текущая жизнь» – понятие, которое в начале 2000-х ввел Зигмунт Бауман⁸, – принимает новый вид: мы не навещаем других, и наши встречи не отмечены «текучестью», в силу которой они скоротечны и всегда по-новому повторяются; ныне нам является *дрейфующий Другой* – он без конца перемещается с экрана на экран, а значит, всегда остается как бы вдали.

Такая практика оставляет каждому единственную функцию, которая сводится к насущной необходимости и зачастую лимитирована во времени, что тем более исключает привычные условности. К примеру, мы интересуемся, как дела у другого человека, задаем вопросы, обмениваемся незначущими фразами – сколько всего теперь считается пустой тратой времени! Георг Зиммель в своем «Экскурсе о социологии чувств»⁹ пишет, что различные виды чувственного восприятия создают основу социального инстинкта, и в связи с этим приходит к выводу, что ослабление чувств качественно обедняет общественное взаимодействие. Сегодня структурирование цифровых систем

7 Японская гравюрная техника, зародившаяся в XVII веке и распространившаяся в городской культуре. Для этого художественного направления характерно изображение сцен повседневной жизни, портреты, пейзажи. В переводе с японского название означает «плывущий мир», но является также омофоном выражения «бренный мир». – *Примеч. перев.*

8 БАУМАН З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. Зигмунт Бауман (1925–2017) – британский социолог польского происхождения, исследовавший вопросы анти- и альтерглобализма, труда и бедности в современном мире. Текущая современность – состояние непрерывного перемещения, плавления, перетекания; переход от сложного структурированного мира, который обременен сетью социальных обязательств и условий, к миру гибкому, текучему, свободному от различных границ и условий. Это ключевое понятие социологии Баумана. – *Примеч. перев.*

9 См.: SIMMEL G. *Essai sur la sociologie des sens* // IDem. *Sociologie et épistémologie*. Paris: PUF, 1981.



в каком-то смысле обесцвечивает отношения, в них как будто остаются голый расчет, повторяющиеся приемы, непрерывные потоки, стремительно следующие один за другим эпизоды. Как будто стирается разница между логикой программирования и формами жизни. Так что, в конце концов, вопрос вовлеченности встает ребром. Она подспудно проявляется по отношению к ближнему. И предполагает обязательства, внимание и даже взаимную пристрастность, причем независимо от расстояния между двумя людьми. Врач воплощает не только персону, которая ставит диагноз или выписывает рецепт. Речь идет о большем – о готовности уделить другому все свое внимание, особенно если положение асимметрично: один уязвим и полагается на другого, который берет на себя заботу о нем.

{ Если свойство Другого в том, что нечто ему присущее так или иначе от нас ускользает, то теперь мы попадаем в среду, где неуловимость – постоянная черта.

Так можно сказать о любых отношениях, бескорыстны они или предполагают плату, то есть и с той и с другой стороны должна быть доля радушия. Этот принцип априори важнее всех функциональных приоритетов в силу нашего общего положения, независимо от социальной категории, в соответствии с экзистенциальными и моральными заповедями, которые настойчиво выделяет Эмманюэль Левинас¹⁰, да и многие другие авторы. В этом смысле мы переживаем не «забвение бытия», в весьма вычурной метафизической терминологии Мартина Хайдеггера, а забвение Другого, а точнее сказать – забвение или отрицание наших перед ним обязанностей. Это, безусловно, задан распространяющейся пикселизацией наших действий, но также и процессами, происходившими со времен промышленной революции, и в еще большей степени – расцветом неолиберальной логики в разных формах, потому перед нами сегодня холодный окаменелый горизонт, а на его фоне – непостоянные и словно бестелесные людские массы. Таково завершение долгой истории, похоже, достигшей кульминации за светящейся – обманным светом – стеклянной перегородкой: мы наблюдаем отношения людей, от которых остались по большому счету мимолетные видения, бездушные, призрачные и образующие тем самым общество-фантом, которое в этом качестве несет в себе множество патологий и опасностей.

10 См., в частности: LEVINAS E. *Entre nous (Essais sur le penser-à-l'autre)*. Paris: Grasset, 1991.

3. ДРУГОЙ ИСЧЕЗАЕТ

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Текучая идентичность

Обязательное ношение медицинской маски с объявлением первого локдауна привнесло один странный аспект. Часть лица оказалась скрыта, хотя средоточие нашей индивидуальности – наш взгляд – по-прежнему считывался. Усеченный облик становился нормой. Складывалась форма присутствия, сочетававшая нашу грубую фактуру и нечто неуловимое. Непривычная ситуация словно раскрывала, скажем так, истинное лицо нашего общества, все чаще отмеченного обезличенностью, анонимностью – особенно в крупных городах, в общественном транспорте, в будничной жизни. Как не связать дух времени и тот факт, что мы годами наблюдали, как некоторые пользуются фальшивыми аккаунтами в так называемых социальных сетях, полагая, что это делает их влиятельнее в социальных играх и нередко позволяет совершенно безнаказанно давать волю гневу? Словно они решили извлечь выгоду из паритета «аноним – аноним», презрев обычаи, правила, а порой и закон. Такое поведение следует соотнести с более широкой практикой: использованием неопределенного ника или измененной внешности. Как будто это открывает новые перспективы в нашей судьбе.

У нас хоть отбавляй поводов, чтобы мы могли вообразить себя – или стать – кем-то другим, почти героем фильма. Такая возможность сделалась привычной в 2000-е: например, в видеоиграх или в приложениях знакомств (где может даже поощряться постинг фальшивых портретов и ложной информации о себе). Нам достались средства, позволяющие возомнить себя свободными от бремени нашего существа, от груза повседневности, чтобы перетасовать карты в свою пользу; вскоре мы уже вовсю предавались пьянящим, но таким тщетным помыслам о непослушании. Любой мог почувствовать себя Протеем – греческим божеством, наделенным, если верить мифу, даром менять свой облик. К тому же для разных действий в сети плодятся аккаунты и профили, что по-своему способствует этой практике. Цель игры в свою личность не только обмануть остальных, но и получить удовольствие от «переодевания». Словно проявившееся в последние годы стремление к преобразению сообразно новому этосу текучести, проявившейся у категории рода, вошло в резонанс с условиями, когда кажется, что одного клика достаточно, чтобы угодить нашим взглядам. А они, похоже, преодолевают неподатливость реального и не считаются с предписывающими нормами. Основополагающие принципы общества, которые держатся на общих ориентирах и обязанности говорить от первого лица, больше не получают



обязательную силу – таковы умонастроения, способные окончательно все запутать, что повлечет за собой все больше недоверия и исподволь, в той или иной форме, взаимную глухоту.

Подобную неразличимость, разумеется, надо связать с чат-ботами, в первую очередь с *ChatGPT*, и генераторами изображений, как *Midjourney*, которым предстояло породить особую среду – символическую в понятиях психиатрии, ибо она больше не зависит от общего порядка, но соткана лишь из субъективных хаотичных побуждений людей, без оглядки полагающихся на эти системы. Это не просто общество в политико-юридическом и философском понимании – перед нами совокупность монад, существующих по непонятным правилам в параллельном режиме и редко друг друга замечающих. Теперь – вслед за постепенным сведением на нет «социального пакта», действовавшего в большинстве существующих демократий со времен либерального поворота, – в определенном смысле мы можем назвать происходящее агонией общественного договора. Того, под которым понимается высшая мораль, опирающаяся на требование, чтобы каждый самоопределялся в условиях свободы, плюрализма и противоречий, – но сверяясь с очерченным кругом ориентиров. Сегодня очень многие не хотят, чтобы им указывали на их положение или привычное самовосприятие, часто приниженное или унижающее достоинство.

Усилия большого числа людей уже не подразумевают – как это было на некоторых исторических этапах, связанных с мечтой о конкретных свободах, – что они остаются собой и максимально проявляют свои способности; теперь всем кажется, что они преодолевают собственное состояние, день и ночь пользуясь приемами и стратегиями, внушающими им уверенность, будто теперь, наконец, у них больше признания и они стали деятельнее. Делёзовский принцип детерриториализации¹¹, призывающий не мириться с парализующей повседневностью и чертить горизонты свободы и полноценности, теперь, спустя несколько десятилетий, пожалуй, стал оформляться в действительности. Увы, не через *praxis*, дело, а как нечто чисто внешнее, сообразное личным взглядам или побуждениям и бесконечно текучее. Эта иллюзия самоосвобождения лишь усугубляет потерю нами ориентиров и коллективное недоверие, а почву для этого обогащает индустрия, которая теперь придумывает средства, призванные подарить нам особое удовольствие, чтобы мы смогли в полной мере увязать наше самое возвышенное – но по-прежнему недостижимое – представление о себе с внешним обликом: создать *аватар*.

11 О понятии детерриториализации см., в частности: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Они же. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – *Примеч. ред.*

Название похоже на антифразу. Риторический оборот, в котором суть предложения противоположна приведенному факту или мысли. Прием обычно позволяет без лишних слов поделиться суждением, зачастую резким или выражающим разочарование. Сам термин – аватар, – предполагая под собой особую технологию, также выполняет функцию антифразы в том смысле, что вся писанина вокруг него утверждает в точности обратное тому, как это на самом деле работает. Ведь гипермодерну уже несколько десятилетий свойственно то, что предлагается, да еще так упорно, миром аватаров и проявляется не как негативный опыт, а напротив, принимает игровые, воодушевляющие формы. Имеется в виду изоляция, которую встретил профессиональный мир и, в более широком смысле, общество; отсутствие ощутимых и конструктивных связей с окружающими – словом, невозможность, в конечном счете, положиться на кого-то, кроме себя или некоторых близких. Все это мы испытали в концентрированном виде с первых дней всемирного локдауна, соблюдая требование никого не навещать и запереться дома.

Если взглянуть шире – уже многие годы популярны *бесконтактные* методы, применимые, например, при автоматическом или удаленном считывании наших магнитных карт, смартфонов или сканировании лиц. Так же и голосовые помощники все реже оставляют возможность поговорить с живым человеком, который откликнулся бы на наши запросы, – за исключением этих удачных случаев мы все чаще в повседневной жизни лишены прямого контакта как с другими людьми, так и с вещами. Достаточная дистанция между индивидами – а также между индивидами и реальным – сегодня, пожалуй, воспринимается как наиболее защищенная и благоприятная, когда речь идет о делах, которыми занимается человек, и к тому же открывает новые кладези для экономики. Теперь, как никогда, ясно, что один из главных общественных и политических вопросов нашего времени – на всех уровнях бытия – состоит в построении новых связей между людьми, однако цифровая индустрия показывает блестящий фокус, преподнося это обстоятельство не как обрушившееся на нас бедствие, а напротив, как шанс на жизнь-фейерверк, от которой каждый сможет получить лучшее.

«Аватары помогут нам перейти от сегодняшнего интернета к *воплощенному* интернету дня завтрашнего», – заявил в 2023 году Ананд Дасс, отвечающий за развитие метавселенной в «Meta»¹². Трудно вообразить более откровенное очко-

12 «Meta: “Мы убеждены, что будущее информатики – за метавселенной”», – из интервью Ананда Дасса, которое он дал Шарлю де Лобье (Le Monde. 2023. 19 mars). (Компания «Meta» признана экстремистской на территории Российской Федерации – Примеч. ред.).



втирательство или лучший пример антифразы, когда из положения, атрофирующего наши лучшие качества и связи с другими людьми, делают озаренный светом и желанный этос. Бог с ним, с чувственным опытом, ведь вокруг сплошной праздник, удобство, простота, стремительность – словом, среда, от которой, казалось бы, одни плюсы. Именно в таком представлении нуждаются столь экстравагантные – и леденящие – способы существования: привлекательная траектория развития, у которой есть громадное достоинство – физическое разъединение людей перестает быть обедняющим фактором и, наоборот, трактуется как грандиозный шаг вперед – межличностный, бытийный, цивилизационный. Добро пожаловать в мир 3D-фигурок, универсум вечно улыбающихся лиц без единой щербинки, который так напоминает всегда открытый тематический парк, откуда как будто изгнали весь негатив. Да, предприниматели, инженеры, консалтинговые фирмы сумели в какой-то момент истории человечества беззастенчиво – и даже убежденно, быть может, – представить нормальным, а то и завидным существование в призме пиксельных симулякров, олицетворяющих нас самих, среди синтезированных пейзажей, возвращающих ностальгические образы.

Эта среда – настолько хороший квазиестественный субститут и кажется такой надежной и привлекательной, что многие модные бренды бросаются создавать NFT-товары (*non-fungible token*) или невзаимозаменяемые токены¹³, то есть цифровые объекты с закрепленным за ними единственным владельцем. Это виртуальные одежда (далее каждое слово можно брать в кавычки), обувь, аксессуары, косметика, стрижки – в общем, появляется громадный рынок индустрии красоты, работающей через аватары. Не симулякр, выдающий себя за нечто реальное, а сугубая визуальность, которая становится самым что ни на есть живым средоточием нашей реальности в разных ее проявлениях. Процесс очерчивания собственных границ утратил внешний характер: образ действий теперь обусловлен призрачным обликом. Таким образом, призрачному – как символически, так и фактически – удастся вытеснить телесное присутствие, которое в итоге сводится к обесцененному или анахроничному онтологическому состоянию. То ли жизнь становится все более бесплотной, то ли смерть бродит среди этого подобия жизни. Новый экзистенциальный статус, предполагающий, что, если средства позволяют, надо всегда представлять в лучшем виде либо на публике уподоблять собственные черты своим фантазиям. В глубинах этой призрачно-цифровой бездны мы участвуем в рабочих совещаниях, присутствуем на занятиях, бываем в чу-

13 Невзаимозаменяемый, или уникальный, токен – криптографический сертификат цифрового объекта, своего рода цифровой копирайт. – *Примеч. перев.*

жих квартирах, ходим на концерты, в кафе, общаемся с самыми разными живыми мертвецами. Скоро мы будем также сталкиваться с «людьми» на «улице» или в других «местах», никогда не зная точно, соответствуют ли действительности их черты, пол и возраст или это полная иллюзия. Совсем скоро чат-бот, научившийся идеально повторять наши интонации, в подходящий момент заговорит вместо нас, следуя алгоритмам принятия решений или каким-нибудь командам, которые ему передают.

Призраки, изначально обитавшие в айфоне и указывавшие нам путь к лучшему через повседневность, теперь, пятнадцать лет спустя, представляют собой не просто его составляющую, быстро ставшую интегральной, – изменилась сама их природа. Ныне они не только несут нам истину, невзирая на обстоятельства, но и прорисовывают содержание окружающего нас мира, все чаще выступают от нашего имени, денно и ночью открывают нам дороги к счастью. Наступила эпоха *призрачного технолиберализма*, и она задает тон каждому нашему вздоху, относит наши чувства и мысли к тем разновидностям бытия, которым положено быть наименее популярными, учитывая, что с позиции индустрии они неприбыльны, да еще заставляют нас – на свой страх и риск – идти навстречу испытаниям реальностью. Сегодня мы, возможно, уже предчувствуем, что, прощаясь с телесным, прощаясь с возможностями нашего сознания, мы запрограммированно прощаемся с жизненными порывами, которые нами движут, и пускаем на порог коварную смерть. А коль скоро в этой зомбической жизни смерть гнездится в каждом углу, то нормальным оказывается и то, что мертвецы, которых больше нет с нами, могут затеряться среди нас – на равных правах – и перейти в нашу категорию живых мертвецов. Сегодня кажется, что с этими мертвецами, давно отправившимися на вечный покой, вполне можно – да что там, обычное дело – поддерживать связь в самых разных формах, обеспеченных системами на основе искусственного интеллекта и чат-ботами. Почти открытое свидетельство того, что когда мы найдем промышленные способы для неизбежного присутствия смерти в человеческой жизни, то вместе с этим всюду начнется сущая вакханалия – вакханалия смерти.

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

Алгоритмическая некромантия

Все, что нужно, чтобы родился новый лучезарный мир, у нас тогда было. Берлинская стена рухнула, Фрэнсис Фукуяма и дух времени не оставляли сомнений: вот он, конец Истории¹⁴.

¹⁴ Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2007.



Хватит событиям развиваться по линии фронта Восток – Запад. Пора оставить диалектику в пыльных анналах людских деяний и идей. Пробил час – конец всему негативному. На побережье Тихого океана – словно на крайнем западе планисферы, на аванпостах раскрепощенного неолиберализма, – на земле, богатой уникальными научно-техническими традициями, усеянной миллионами университетов, движимой культурой предпринимательства, в основе которой риск, и населенной высокообразованными, нередко выдающимися людьми, открылась потрясающая перспектива – *перспектива возможного*, когда *все возможное возможно*. Можно мгновенно связаться друг с другом почти даром, находясь на разных континентах, получить доступ к безбрежному морю текстов, изображений, музыки, можно постоянно упрощать повседневную жизнь. На фоне грандиозных фейерверков, тут и там под всеобщее ликование возвещавших о наступлении нового тысячелетия, запустился нескончаемый парад инноваций для освоения этого *эльдorado возможного*.

Если на первом десятилетии XXI века лежит отпечаток идеологии, которую мы могли бы назвать «технологически всегда возможное», то следующее, оставшись в прежнем русле, повернется совсем новой стороной: *все, что во тьме веков было из области невозможного, считаем впредь осуществимым*. Такой ход мысли предполагает достижимость условий, при которых люди избавятся от любых ограничений, до сих пор признававшихся естественными и непреодолимыми, – и зависеть это будет от технико-экономического чуда: *искусственного интеллекта*. Впервые в истории все поверили, будто наше представление о человеке – в извечном понимании как о бренном, несовершенном существе – неверно, либо мы просто ленимся раскрыть глаза. Пришло время решать совсем другие задачи, а все, что нам присуще, пусть отправляется в утиль. Это уже не либидо-капиталистическая логика, выраженная в девизе «*Nothing Is Impossible*» («Нет ничего невозможного»), кредо изменилось: «*Impossible Isn't Relevant Anymore*» («Невозможное больше незначимо») – и тут уже вопросы к психиатрам. Ведь такой подход отрицает реальное, но именно внутри этого реального формирует соответствующий взгляд на вещи.

«Возможное» отсылало к тому, что представлялось осуществимым; «невозможное» предлагает считать возможным все немыслимое, неслыханное, недостижимое. Словно самые безумные идеи, если вложить в них деньги и правильно оформить, стали воплощаемыми. Именно в этом ключе подлежит осмыслению развитие пресловутых «цифровых инноваций», набравшее все более бешеный темп в 2010-е, вскружившее голову всей планете и отразившееся на самом духе времени. Дошло до

того, что все самое непостижимое – или, точнее сказать, все самое противоестественное – стало предметом не только осмысления, но и инициативы, как и сопутствующего дискурса, будто из параллельной вселенной. Самый яркий тому пример – идеи трансгуманизма, которые тогда оказались вдруг на виду, а его поборники начали трубить во все трубы о том, что мы живем в благословенную эпоху, ведь она сулит нам скорую победу над смертью. Под тот же буйный восторг, совершенно беспочвенный, появились системы, предназначенные для регулярных «бесед» с усопшими, – так зародилась алгоритмическая некроромантия.

На первом этапе поднялась волна бредовых заявлений в духе «сенсация!» – по правде говоря, просто смешных, – суливших нам бессмертие: дескать, наш мозг должен перекочевать в кремниевые чипы, которые внедряют в титановых роботов. Как правило, это повторялось без какого-либо критического осмысления, по всему миру пресса пестрела громкими заголовками. Сегодня мы начинаем задаваться вопросом: то, что тогда все, открыв рот, слушали этот бред, не есть ли еще одна, на этот раз более умеренная, разновидность коллективного помешательства либо совершенно поразительной наивности? Еще одно сопутствующее направление было подсвечено не так ярко, но все равно отличалось экстравагантностью: это *разговоры с усопшими*. В пору банализации невозможного некоторые предприниматели и инженеры дошли до изобретения способов, симулирующих общение с теми, кто уже покинул этот мир. В середине 2010-х появились стартапы – как, например, «Replika», – которые начали выводить на рынок новый тип чат-ботов – *deadbots*¹⁵, которым предстояло обеспечить голосовой контакт покойных и живых. (С развитием генеративного искусственного интеллекта таких систем, как «Project December: Simulate the Dead» или «Here after AI», стало пруд пруди.) Задача с самого начала виделась – утешать: предполагалось, что во времена потерянности и коллективной изоляции технологии, способные убедить, будто мы сохраняем связь с близкими, ушедшими в мир иной, придутся кстати.

Метод состоит в том, чтобы собрать как можно больше образцов речи и текстов, написанных человеком, проанализировать их, проследить повторяемость слов, выражений, эмотивных конструкций. Так составляется индивидуальный терминологический каталог, который будет обрабатываться по специальным алгоритмам в зависимости от заданных вопросов или высказанных мыслей. И тогда машинный призрак сможет заговорить с нами, выслушать, ответить. Источник лексики – за-

15 От англ. *dead* – умерший и *bot* – бот. – Примеч. перев.



стывшее прошлое, а значит – мертвый язык, но тот, кто жив, останется пребывать в иллюзии, будто беседует с покойным: все устроено так, что немудрено начаться галлюцинациям, поскольку для траура места не остается. Нечто похожее происходит с героиней эпизода «Я скоро вернусь» («Be Right Back», 2013; режиссер Оуэн Харрис) из сериала «Черное зеркало», которая вскоре после гибели мужа в автокатастрофе загружает на смартфон приложение, имитирующее общение с ним. Пройдет совсем немного времени, и эта навязчивая практика заставит ее забыть всех родственников и знакомых, поддерживая связь лишь с этим псевдочеловеческим голосом, которым будет говорить аморфный искусственный двойник из композитных материалов, словно вернувшийся в семейный дом. Как не увидеть в этом карикатуру на актуальный этос: индивиды замыкаются в личном сферическом пространстве из-за постоянного обращения к экранам и цифровым системам и потому начинают считать чем-то второстепенным чужое физическое присутствие и в целом жизнь в обществе с ее взаимодействиями, данными в ощущении, а все эмоции предназначают для далеких призрачных персонажей.

Можно вспомнить образ, воплощенный Томом Крузом в фильме «Особое мнение» («Minority Report», 2002; режиссер Стивен Спилберг) по мотивам одноименного рассказа Филипа К. Дика¹⁶, где актер играет командира подразделения полиции, предотвращающего преступления, которые просчитаны (но не гарантированы) не то людьми, не то синтезированными существами – их называют *провами*, и они наделены даром предвосхищать события. Вечером, когда герой находится дома один, ему кажется, что рядом его сын, что они играют, хотя тот уже умер давно, в шестилетнем возрасте, и его изображения – с неизменно детскими чертами на экране компьютера – обрабатываются процессорами, использующими старые видеозаписи. Потому герой прибегает к наркотикам: его мучает, что он не спас мальчика, ставшего жертвой похищения, – и теперь он посвящает всего себя пресечению убийств до того, как они совершаются. Можно в очередной раз подумать, будто с помощью демиургических технологий мы все больше способны подчинять ход событий нашим представлениям или определенному порядку, который должен диктовать правила.

16 декабря 2022 года легендарный рэпер The Notorious B.I.G., застреленный в 1997-м в возрасте 24 лет, появился на сцене в красном бархатном костюме и оранжевых флуоресцентных баскетбольных кроссовках, из его уст начинает звучать текст композиции «Mo Money Mo Problems»¹⁷ под записанные воз-

16 Диск Р.Н.К. *Ubik*. Paris: Robert Laffont, 1970.

17 Нет денег, нет проблем (англ.). – *Примеч. перев.*

гласы зала. В тот день его аватар «выступил» в прямом эфире на платформе «Horizon Worlds». Вокруг него все было напичкано всевозможными чудесами техники, при виде которых перестаешь понимать, где кончается реальность и начинается фантазмагория.

Сколько концертов и спектаклей прошло с тех пор с использованием похожих приемов – например, шоу «ABBA Voyage», впервые показанное в Лондоне в 2023 году: на сцене – все участники шведской диско-четверки, их лица и тела словно законсервировались на пике славы, в 1970-х, но вообще это поющие голограммы. Учитывая, что демиургические технологии становятся все изощреннее, почему бы не представить в будущем домашний ужин в компании Людовика XIV или посещение мастерской, где прямо при нас трудится Леонардо да Винчи, – то ли еще можно вообразить! Каждый раз – один и тот же принцип: лексика, жесты, мимика фиксируются для генерации речи и изображений, но содержание зависит исключительно от того, что когда-то уже было.

Восприятие смерти – это лакмусовая бумажка, показывающая умонастроение общества или цивилизации. Если мы начинаем думать, что смерть перестала быть для нас важнейшим состоянием и не дает повода для почтительной дани памяти тем, кого больше не будет рядом, то мы неизбежно теряем ориентиры: и люди, и явления воспринимаются нами одинаково – мы приравниваем их друг к другу. Тенденция эта сегодня поддерживается технологическим инструментарием, усиливающим впечатление, будто мы можем как заблагорассудится манипулировать все новыми и новыми сторонами нашей жизни, и одновременно обостряющим чувство всесилья и склонность воспринимать других как предмет. В связи с этим следует читать Гюнтера Андерса – он с редкой пронизательностью сумел уловить некоторые черты «становления настоящего»:

«Человек, конечно, не может помешать тому, что мы продолжаем умирать, но все же способен лишить смерть ее жала, задушить стыд, который она несет самим своим существованием. Ведь можно создать столь позитивно гладкий мир, что там не останется ни малейших трещин, сквозь которые смогут просочиться неудобные вопросы о смерти, – мир, ни один элемент которого не будет напоминать про этот стыд»¹⁸.

Мы живем во времена, когда прежде всего в силу цифровизации нашего бытия далекое, даже очень далекое – вплоть до потустороннего – облекается большей ценностью, аффективной и символической, нежели фигура ближнего. Как не свя-

ЭРИК САДЕН
ДРУГОЙ ПРИЗРАК

18 ANDERS G. *L'Obsolescence de l'homme. Sur l'âme à l'époque de la deuxième révolution industrielle*. Paris: Ivrea, 2002. P. 312.



зять это с тем, что наша жизнь – работа, семья, повседневные дела – волей-неволей вызывает неудовлетворенность и разочарование, в то время как некая форма присутствия на расстоянии – в ореоле, где свет и нет боли, – создает впечатление безопасности и возможности «разруливать» многие и многие ситуации как нам заблагорассудится.

Если смерть перестала быть для нас важнейшим состоянием и не дает повода для почтительной дани памяти тем, кого больше не будет рядом, то мы неизбежно теряем ориентиры: и люди, и явления воспринимаются нами одинаково – мы приравняем их друг к другу.

Локдауны, как мы еще не один год будем убеждаться, во многом дали толчок явлениям, которые теперь проходят стадию становления – и более или менее видны. В первую очередь это наступление эпохи, когда далекое – все, что есть далекого, – словно со скоростью света прилетает к нам, отчего возникает волнующее, но утешительное чувство избавления от груза повседневности. А коль скоро далекое преобладает в пиксельном воплощении, то под знаком удаленности механически устанавливается такой контакт с другими, как будто они существа из плоти и крови, возникает связь с воспринимаемой реальностью, с выражением того, что – прямо здесь, в досягаемости – составляет нас самих.

Все это – в мире, где простых команд системе достаточно, чтобы она писала тексты, генерировала изображения, видео, музыку, песни, мгновенно потакая малейшим нашим желаниям. Эпоха доступа¹⁹, которая должна была объединить людей внутри «глобальной деревни» и выпустить нас на «магистрали информации и знания», спустя два десятилетия перешла в эпоху *обесценивания ближнего, а заодно – тихой сапой – нас самих*. В жизнь среди призраков, в которой психика – при том, что мы думаем, будто у нас все под контролем, – лишь послушная игрушка наших наклонностей, лени, неврозов, как и множества совершенно посторонних сил.

Перевод с французского Анастасии Захаревич

19 См.: САДЕН Э. Указ. соч. С. 31.